власть. Этим документом заканчивается первый период развития Советского искусства и начинается второй, когда по мере укрепления политической власти коммунистов в стране все настойчивее намечается тенденция политизации и пролетаризации в искусстве.

***

1. Сергеев В.А. Борьба коммунистической партии против мелкобуржуазности в искусстве (1917-1932). Л., 1976. С.65
2. Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов. Материалы, документы, воспоминания. М., 1962, С.173
3. К вопросу о политике РКП (б) в художественной литературе. М., 1924, С.106
4. Правда. 1925.18 июня.
5. О партийной и советской печати. М., 1954, С.347

Трокаль Т.В.

**Проблема христианского оправдания применения насилия в процессе
возникновения средневековой идеологии крестовых походов**

*Российский Новый Университет (РосНОУ), колледж
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-01-08-2019-02

idsp: sciencepublic-01-08-2019-02

Аннотация

В центре внимания данной статьи – постепенное формирование идеологии средневекового крестоносного движения. Автор рассматривает процесс становления средневековой идеологии периода Крестовых походов и затрагивает главную проблему христианства в тот период – проблему оправдания применения насилия. На основании анализа раннехристианских церковных источников, а также трудов средневековых богословов, автор приходит к выводу, что процесс становления идеологии Крестовых походов осуществлялся в течении эволюционного развития всей западной христианской цивилизации.

Ключевые слова: крестовые походы, христианство, Ветхий Завет, Евангелие, Иоанн Креститель, «священная война», «справедливая война», Бернард Клервосский, Амвросий Медиоланский, Августин.

Abstract

The focus of this article is the gradual formation of the ideology of the medieval crusade movement. The author considers the process of formation of medieval ideology of the period of Crusades and touches upon the main problem of Christianity in that period – the problem of justifying the use of violence. Based on the analysis of early Christian Church sources and works of medieval theologians, the author comes to the conclusion that the process of formation of the ideology of the Crusades was carried out during the evolutionary development of the entire Western Christian civilization.

Keywords: Crusades, Christianity, the old Testament, the gospel, John the Baptist, "Holy war", "just war", Bernard of Clervos, Ambrose of Milan, Augustine.

В Средние века религиозное сознание во многом определило весь ход цивилизационного развития Западной Европы. Христианство выступило культурообразующим фактором, повлиявшим практически на все сферы жизни данной эпохи. Церковь же в данный период являлась одним из важнейших социальных институтов.

С началом эпохи Крестовых походов роль церкви в повседневной жизни средневекового общества значительно возросла. Духовенство было той направляющей силой, под воздействием которой крестоносцы покоряли Ближний Восток и одерживали победы над врагом. Не подлежит сомнению, что роль духовной идеологии западного христианства была в тот момент громадной, во многом благодаря многочисленным духовным проповедям католических священников – от папы Урбана II до Петра Амьенского (Пётр Пустынник). Их пламенные проповеди помогли участникам Первого крестового похода захватить Иерусалим.

Однако, рассматривая историю создания идеологии крестовых походов, нельзя не обратить внимание на то, что создавалась она на протяжении почти 10 веков существования христианства как такового и путь возникновения её был весьма непрост.

Начать с того, что в Ветхом Завете имеется чёткий императив, запрещающий убийство (Исх., 20:13), а также описан прецедент совершённого Каином кровопролития (Быт., 4:8-13), трактуемый исключительно негативно. Что же касается Евангелия, то его базовым компонентом выступает принцип любви к Богу и ближним (Мк., 12:28-34). Центральная проповедь Христа – о покаянии, отказе от мира греха ради обретения Царствия небесного. Идеалом является мир святости, в котором нет места вражде.

Но при всём при этом в Ветхом Завете идея антимилитаризма сочетается с дихотомией «свой-чужой» по религиозной оппозиции. Ветхозаветные повествования изобилуют примерами борьбы иудеев с соседями, в которых обе стороны проявляли жестокость и вели длительные войны, победу в которых, по версии ветхозаветных авторов одерживали более ревностные в религиозном и более совершенные в нравственном плане иудеи. Если же враги, в силу численного превосходства и профессиональных качеств одерживали верх над иудеями, то поражение рассматривалось как результат «отхода от веры» и возвращения иудейских племён к язычеству. Это время постоянных военных стычек с соседями и междоусобиц, длившееся с 1445 по 1045 год до нашей эры, получило название эпохи Судей. Это был первый опыт «священной войны» в истории человечества.

В ту эпоху ревностное следование религиозным постулатам позволяло верующим иудеям разделить войны на «беззаконные» и «справедливые» а последние считать не только как санкционированные сакральной земной властью (в тот период это были иудейские первосвященники), но как ведомые самим Богом посредством избранного народа.

Спустя сотни лет, Евангелие снимает ветхозаветный этнический компонент с понятия «избранный народ» исходя из наднационального принципа консолидации верующих на религиозной основе. Возникает идея пацифизма, чётко представленная в призыве любить обидчиков и молиться за них, а также постоянно прощать согрешающих (Евангелие от Матфея, 5:44; 6:14; 18:21-22). Идея антимилитаризма очевидна из постулирования статуса миротворцев, которые «будут наречены сынами Божиими» (Евангелие от Матфея, 5:9).

Однако при этом приоритет отказа от насилия сочетается с констатацией факта несовершенства мира и греховности человеческой природы, т.к. Спаситель «пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Евангелие от Луки, 5:32). Исходя из этого, Христос не отверг мытарей, презираемых за службу иноверцам, а Иоанн Креститель проповедовал им не отказ от профессиональной практики, а честное следование долгу и недопустимость злоупотреблений служебными полномочиями (Евангелие от Луки, 3:13). В русле этого морального принципа Евангелие позиционирует возможность воинской службы для верующих: «Спрашивали его (Иоанна Крестителя) также и воины: «А нам что делать?» И сказал им: «Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем» (Евангелие от Луки, 3:14). Необходимо также отметить, что Иисус тоже хвалил римского сотника за веру и не упрекал за род деятельности (Евангелие от Матфея, 8:15).

Евангельский идеал миролюбия нашёл воплощение в раннехристианской культуре I - нач. IV в., где доминировал пацифизм. Многие ранние христиане заняли позицию неприятия воинской службы. Характерный для имперской римской культуры воинский культ имел неприемлемые для христиан формы: от солдат требовалось почитание изображений монарха, чьё происхождение считалось божественным и поклонение языческим богам. На практике это имело не столько религиозное значение, сколько служило своеобразным актом лояльности властям.

Главная же причина неприятия воинского служения была в акте убийства. Первым христианам гораздо легче было отдать свою жизнь за Христа, обретая этим Царство Небесное, чем отнять её у другого, идя против заповеди Божией «не убий».

Первые христиане отвергали оружие и насилие как таковое. Это было связано с тем, что военная служба в Римской империи не была обязательной, а армия состояла в основном из наёмников. Таким образом, христианин не нарушал Божий закон и законы империи, отказываясь брать в руки оружие. В раннехристианской культуре доминировало негативное отношение к военным (по лат. *milites*), сформированное апологетами раннехристианской церкви под влиянием евангельского идеала миролюбия.

В IV – V вв. происходит слом европейской цивилизационной парадигмы, связанный с комплексным кризисом римской культуры и усилением натиска варваров в ходе «великого переселения народов». В этих условиях универсальность христианства как религии спасения, не имевшей этических, политических, социальных границ, устоявшей под гнѐтом гонений I – нач. IV вв., а также государственная поддержка церкви, начатая в начале IV в. императором Константином, способствовали быстрому притоку новообращѐнных.

Потребность поддержания порядка и безопасности христианства и империи в целом, слившихся воедино, в условиях усиления военной угрозы актуализировали проблему *milites* в христианской культуре. Во времена ранних гонений на христиан, при комплектовании римской армии наёмниками-язычниками, верующий мог строго следовать букве 10 заповедей.

Однако в начале V в. социальное, политическое и религиозное положение империи этого не позволяли – христиан становилось всё больше. Догматически война продолжает оставаться злом, убийство – страшным грехом. Но обладавший сакральной властью правитель, выполняя заповедь «не

убий», непотворением злу насилием только поощрял бы агрессоров и был бы повинен в беззакониях против своих подданных, имея возможность их предотвратить. Таким образом возникала духовно-идеологическая дилемма – выполняя букву Божьего закона, монарх нарушал его суть. Поэтому постепенно в богословском мире возникают концепции, всё более укреплявшиеся с ростом военной угрозы со стороны язычников-варваров, о допустимости применения насилия христианами для защиты сограждан и собственного государства.

Эволюция воззрений на проблему войны в христианской культуре впервые прослеживается в трудах Амвросия Медиоланского (334-397), писавшего, что в «в делах военных, думается, нужно обращать внимание на то, справедливы ли эти войны или нет». Перевод проблемы в этическую плоскость позволил сделать предметом исследования не насилие как явление, а смысловую мотивацию его применения. Категория справедливости, определяющая концепцию св. Амвросия, соотносена с евангельской ценностно-нормативной системой, выступающей в качестве эталона.

Исходя из принципа легитимности и сакральности власти, характерного ещё для раннего христианства, св. Амвросий наделял правом инициирования боевых действий правителей или лиц, которым делегированы подобные полномочия. Он позитивно оценивал защиту Италии от варваров императором Валентинианом-мл., который, «когда услышал, что варвары приблизились к границам Италии, и, опасаясь, чтобы неприятель не напал на государство, спешил вернуться, взяв на себя нашу опасность и оставив покой», то есть руководствовался идеями долга и любви к ближним. Его сыну Грациану, по преданию, епископ как представитель церкви написал исповедание веры, «предсказал победу над врагами и благословил его знамёна». Простых воинов св. Амвросий, повторяя слова Иоанна Крестителя, призывал «довольствоваться жалованьем, не вымогая силой иных доходов». Епископ не осуждал деятельность, направленную на поддержание общественного порядка внутри страны, защиту родины от агрессоров или помощь союзникам, то есть честное выполнение своего воинского долга.

Так, постепенно, в христианской западной культуре возникает принципиально новая концепция «законной» (справедливой) войны (*bellum justum*), которую развил и конкретизировал ученик св. Амвросия – блаженный Августин (354-450). Базой его теории является противопоставление града небесного, выступающего в качестве религиозного эталона, и града земного, погрязшего в грехах и пороках.

По мнению Августина, мир без войны – идеал, недостижимый в граде земном, и даже несмотря на то, что война как явление есть грубое отклонение от божественных заповедей, проблема войны не утратит актуальности даже в христианском социуме: «никогда люди не будут жить в безопасности, не боясь нападений, угрожающих жизни». Отсюда необходимость создания адекватных механизмов адаптации христианской культуры к фактору насилия извне. Государство в этой ситуации выступает инструментом исправления человеческой греховности. Обеспечивая правопорядок, оно вынуждено опираться на силу. Долг верующих при этом – поддерживать легитимную власть и её институты. Таким образом впервые в культуре христианства теологически было обосновано право христиан брать в руки оружие и совершать насилие.

Констатируя право христиан на применение насилия, бл. Августин, вслед за св. Амвросием, классифицировал войны исходя из смысловой мотивации их инициаторов. Боевые действия начатые из страсти к господству, алчности, для угнетения, греховны по своей природе и позиционируются как разбой. Напротив, возвращение похищенного имущества и возмездие за нанесённый ущерб есть формы восстановления справедливости. Ещё более правомочны войны оборонительные для защиты себя и своего имущества. Комментируя Пятикнижие, епископ высказался ещё более конкретно: справедливая война носит оборонительный характер **вообще** (даже если она ведётся на территории противника) и предпринимается для наказания злодеев, ради восстановления частных прав, находящихся под угрозой их нарушения.

Новым для христианской культуры стало и восприятие насилия бл. Августином не только как следствия греха, но и как средства от него. Справедливая война призвана не только наказать виновных, но и предотвращать потенциальные угрозы. Регулятивная функция государства, призванная поддерживать социальную стабильность, позволяет применять силу не только *post factum*, в ответ на уже совершённое злодеяние, но и в качестве превентивной меры пресечения беззакония.

Таким образом, постепенно в западно-христианском ценностно-мировоззренческой системе формируется новый социопсихологический стереотип *milites* - теперь уже как защитника христианской веры и единоверцев, пресекающего беззакония, при этом опирающегося на сакральную, легитимную с точки зрения Церкви власть.

Были сформированы следующие духовные критерии, определяющие право христиан на применение насилия:

1. Справедливая война неизбежна, если все другие мирные средства были исчерпаны;
2. Цель справедливой войны - пресечение беззакония и обеспечение правосудия;
3. Воюющие исходят из христианских мотивов любви к ближнему (при этом в условиях войны христианская любовь, желание исправления и спасения души врага - понятия

умозрительные, не противоречащие необходимости телесно умертвить противника в бою);

4. Инициирование боевых действий и руководство осуществляется легитимным монархом или лицами, которым делегированы данные полномочия. На власть возложена и ответственность за справедливость применения силы в религиозном и правовом аспектах;
5. Методы войны должны быть милосердны, исключаящими несоразмерное применение насилия и корыстную мотивацию;
6. Духовенство не может участвовать в боевых действиях.

Таким образом, св. Амвросий Медиоланский и бл. Августин в своих трудах ввели в христианскую культуру концепцию "справедливой войны", выступающую в качестве эталонной категории, которая легла в основу западной церковной доктрины о войне и воинах. В рамках сформированной модели было дано догматическое обоснование легитимности воинской практики в религиозном аспекте и определены её критерии, направленные на минимизацию насилия и ущерба от него. Подобный синтез был определён ходом цивилизационного развития Западной Европы, и стал ответом христианского государства на фактор внешней военной угрозы.

В более поздний период проблема освещённого церковью насилия проявилась в работах Хинкмара Реймского. Во второй половине IX он сочиняет трактат – некое «зерцало государей», где, многократно цитируя св. Августина, Иеронима, Амвросия, Григория Великого, подчеркивает: власть короля не абсолютна, а подчинена божественному праву. Она дана ему Богом ради выполнения особой миссии – вести народ к спасению. Функции государя в данном сочинении многообразны: они включают правосудие, покровительство, поддержание мира, а также ведение войны. В своих последующих сочинениях Хинкмар делает упор именно на этом аспекте функций короля. Он напоминает, цитируя св. Августина, что война может быть справедливой, если вдохновлена Богом, и тогда тот, кто убивает, – не убийца. Следовательно, те, кто служит с оружием в руках, этим фактом не гневят Бога, как показал автор «Града Божия». Не доходя, как папа Лев IV, до обещания мученических венцов тем, кто погибнет в справедливом бою, Хинкмар тем не менее оправдывает войну, когда к ней вынуждает необходимость защититься от неверных. Эта защита христианства, вверенная королю, может задним числом оправдать даже агрессивную войну, если она была полезной для христианского мира.

К началу первого крестового похода (1096 г.) принципиально новым явлением в христианской культуре стала сакрализация войн, инициированных межконфессиональным антагонизмом. Вынужденная и осторожная тенденция милитаризации христианства, направленная на поддержание правопорядка, со времён св. Августина претерпела длительную эволюцию, и к началу эпохи крестовых походов обрела характер воинственного мессианства. К этому моменту западное духовенство уже имело положительный опыт применения *milites* в процессе христианизации Европы и отражении нашествий арабов, норманнов и венгров. Следующим шагом стали притязания папства на объединение и расширение христианского мира в контексте средневекового принципа универсализма. Отсюда закрепление существовавшего ранее негативного стереотипа чужака-иноверца как служителя демонических сил на догматической основе. Таким образом вооружённое противостояние с иноверцами получило сакральный статус, расцениваясь как рыцарский долг на службе Богу.

Однако данная идеология явно противоречила идее справедливой войны св. Августина, где насилие выступает лишь в качестве исключительной меры. Необходимо было создать новую идеологическую концепцию, оправдывавшую расширение христианского мира вооружённым путём.

Новое для того времени идеологическое обоснование захватнических походов появляется под названием "священная война" (это понятие было разработано папой Григорием VII (1073 - 1085), появляется в западноевропейских хрониках и актовых материалах к концу XI в. Это война за идеалы христианской веры, её распространение и защиту от внешних и внутренних врагов, и поэтому её ведение осуществлялось высоким церковным авторитетом или религиозным вождём. Священная война отличается от "справедливой войны" причинами, задачами, интенсивностью и продолжительностью. Впрочем чёткие различия между священной и справедливой войнами так и не были оформлены и на практике легко размывались, и в каждом конкретном случае справедливая война могла быть истолкована как священная.

Немецкий историк А.Ваас считал, что крестоносному мышлению свойственны следующие представления:

1. Христос - предводитель крестоносцев.
2. Справедливость Божия - гарантия победы.
3. Крестоносцы - избранный народ, подобно героям Ветхого Завета.
4. Их задача - отвоевать для Христа то, что ему принадлежало.
5. За это они обретают вечное спасение.
6. На их стороне сражаются ангелы и святые.

Крестовые походы неизменно удовлетворяли основному принципу справедливой войны, так как велись ради отвоевания утраченного или защиты от агрессии. В то же время крестовый поход был

подобен священной войне: его участники выступали на стороне Церкви и политической целостности христианского мира и на защиту Христа как царя единого христианского государства. Таким образом, священная война, т.е. война в интересах Церкви,

становилась не только допустимой, но и желательной.

Отличием крестового похода от священной войны было то, что возглавлял его не светский правитель (император или король), а папа Римский.

Впрочем, верховное руководство в обоих случаях брал на себя папа, который нередко объявлял священную войну и назначал главнокомандующего - например, предводителем 7-го (1248) и 8-го (1270 г.) крестовых походов был французский король Людовик IX Святой. Папа становился и сюзереном завоёванных земель.

Упомянутый перелом в сознании внёс свои изменения и в христианскую миссию в языческих землях. Далеко не всегда цель (обращение язычников в христианство) бывала достигнута мирными методами (проповедь). Возникла и получила признание формула "*compelle intrare*" означавшая насаждение христианства любыми, даже насильственными методами. В сфере канонического права проблему насилия (и войну как один из видов его проявления) исследовал Грациан (ум. около 1140 г.). Используя понятие "меч" как метафору общего понятия "сила принуждения", он говорил о духовном мече (духовное принуждение - интердикт, отлучение) и мече материальном (физическое принуждение, насилие) и оправдывал использование последнего Церковью.

Идея священной войны воплотилась в практику в конце XI в. Рыцари и прочие воины христианского мира, поощряемые церковными властями, прекратили междоусобицы и двинулись на Восток, чтобы сражаться с неверными. В качестве вознаграждения их ожидали "отвоёванные" земли а также церковные бенефиции - отпущение всех грехов, обещание райской жизни за гробом, минув чистилище, а в особых случаях - даже причисление к лику святых.

К XIII веку основные привилегии крестоносцев были уже определены, причём им предоставлялась защита со стороны закона, так как многие из этих привилегий имели отношение к юридическим вопросам. Кроме индульгенций и защиты семьи и имущества они включали в себя также отсрочку выполнения вассальных обязательств или ответа перед судом до возвращения крестоносца домой или же ускорение судебного разбирательства перед отправлением в поход; предоставление отсрочки выплаты долгов или процентов; освобождение от пошлин и налогов; разрешение священнику получать доход с прихода во время своего отсутствия и дозволение рыцарю продавать или закладывать свой феодал или неотчуждаемую собственность с целью получения денег для участия в походе; снятие церковного отлучения; разрешение вступать в сделки с отлученными от Церкви лицами и освобождение от последствий отлучения; возможность использовать крестовый обет для замены другого, ещё не выполненного обета и право выбрать себе личного исповедника, обладающего властью отпускать грехи.

Всё это, по замыслу идеологов крестового движения, должно было сподвигнуть всех желающих на дальнейшее завоевание ближневосточных территорий. Однако тут возникла непредвиденная сложность: большинство рыцарей принимали обеты крестоносцев не на постоянной основе, а временно, лишь на определённый срок, по истечении которого они возвращались в Европу. Таким образом, перед папской курией возникла необходимость создания духовно-рыцарских орденов - воинских подразделений, расквартированных в Святой земле на постоянной основе.

Но для данной категории воинов нужна была особая идеология, поскольку эти рыцари вели совершенно особый образ жизни, заметно отличающий их от всех прочих крестоносцев, дававших временные обеты, и уж тем более отличающийся от того образа жизни, который вели все рыцари того времени. Такая идеология нужна была в первую очередь и самим крестоносцам, так как она служила обоснованием их сурового образа жизни, связанного со строгой дисциплиной, как религиозной, так и военной.

Создателем идеологии рыцарей крестовых орденов по праву считается Бернард Клервоский (1091-1153) - французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, цистерцианский монах. Он считается одним из основателей духовно-рыцарского ордена тамплиеров, в частности под его влиянием на соборе в Труа 1128 года был принят устав ордена. Он был вдохновителем второго Крестового похода 1147 года.

Бернард был другом магистра ордена тамплиеров Гуго де Пайена и именно по его просьбе он написал свой знаменитый трактат «Похвальное слово новому рыцарству» («*De laude novae militiae*»). Данный трактат, без сомнения, является краеугольным камнем всей крестовосной идеологии.

Этому новому рыцарству, появление которого святой Бернард приветствовал в своей книге в самых восторженных выражениях, он отводил двоякую роль: сражаться с духом зла и с "противниками из плоти и крови".

Смысл новой идеологии крестоносцев сводился к следующему:

1. Если бы от неверных можно было защититься иными средствами, нежели мечом, то лучше было бы не проливать их крови; но поскольку неверные представляют угрозу духовному наследию христианства, то необходимо всеми силами стремиться воспрепятствовать им уничтожить это наследие.

2. Святая Земля - не просто территория, она, по сути, принадлежит Иисусу Христу, который крестил ее своей святой кровью ради спасения всего человечества, поэтому невозможно оставлять эту землю в руках язычников;

3. Война в Святой Земле ведется не ради территориальных завоеваний, еще меньше ее следует считать столкновением народов: это борьба за защиту Святых мест, колыбели христианства, особенно Гроба Господня.

4. Смерть и убийство врагов веры - это не смерть и убийство обычных людей (т.е. смертный грех согласно Евангелию). Это уничтожение "носителей зла", и таким образом, оно грехом не является: "Если он убивает делающего зло (врага христианства), то не становится человекоубийцей, а, если можно так выразиться, уничтожителем зла."

5. Смерть крестоносцев в бою также не является грехом, а павших воинов в загробной жизни ждёт рай и посмертная слава: "Ибо убить или самому быть убитым во имя Христа - не грех, а скорее дорога к славе. В первом случае рыцарь побеждает во имя Христа, а во втором - воссоединяется с ним. Господь принимает смерть врага, оскорбившего его, и еще более охотно отдает себя утешению своего павшего рыцаря."

6. При существующих условиях только рыцари Христа, движимые глубокой верой и абсолютным бескорыстием могут принять на себя задачу возратить и защитить колыбель христианства, а не светские рыцари, тщеславные и алчные.

В своем произведении Бернард проводит линию противопоставления мирских рыцарей, которых он без жалости именует "шайкой мошенников и негодяев" рыцарям-тамплиерам. Обращаясь к рыцарям-мирянам, он говорит:

"Вы рядите своих лошадей в шелковые попоны и какими только тряпками не покрываете свои кольчуги. Вы разукрашиваете копыта, гербовые щиты и седла инкрустируете золотом, серебром и камнями удила и стремянные ремешки. Вы роскошествуете до самой смерти и гоняетесь за своей погибелью со всем рвением, бесстыдством и заносчивой дерзостью. Разве мишура пристала латам рыцаря или убору дамы? Или вы думаете, что золото повернет вспять оружие ваших противников, драгоценности принесут вам пощаду, а шелк - избавление? Нам часто приходилось слышать, что в бою необходимы три вещи: рыцарь должен выказывать бдительность в обороне, проворство в верховой езде и стремительность в атаке. Вы же причесываетесь, подобно женщинам, стараясь привлекать своей внешностью, ваши ноги путаются в длинных и широких туниках, вы прячете ваши руки, изнеженные и мягкие, в просторных рукавах. И, вырядившись подобным образом, вы вступаете в бой

по самому суетному поводу: из-за необузданного гнева, жажды славы или вождения к мирским благам".

Одновременно с этим Бернард всячески превозносит и восхваляет скромность, послушание и аскетизм рыцарей-крестоносцев (в данном случае тамплиеров):

«Они живут и действуют по воле своего командора; они носят ту одежду, которую он им дает, не ища ни иного платья, ни иной пищи. Они остерегаются любого излишества в еде и одежде, довольствуясь лишь самым необходимым. Они живут сообща, обходясь без женщин и детей. И чтобы не иметь изъяна против ангельского совершенства, они селятся под одной крышей, не имея никакого личного имущества, объединенные своим Уставом в почитании Господа. Не сыщешь среди них ни лентяя, ни праздного гуляки; когда они не присутствуют на службе - что бывает очень редко - или не вкушают свой хлеб, вознося благодарения небесам, они трудятся, починяя одежду или конскую сбрую, изорванную и искромсанную. Либо же они исполняют то, что повелел им их магистр или что требуют нужды их дома. Ни один из них не находится в подчинении у другого, они почитают лучшего, но не знатнейшего. Они проявляют учтивость по отношению друг к другу и, помогая один другому, следуют заветам Христа."

В своём произведении Бернард обосновывает смысл крестоносного служения и духовную суть принятия обетов крестоносца:

"Говорю вам, рыцарь Христа может разить с уверенностью и с еще большей уверенностью может он умирать, ибо он служит Христу, когда сражается, и служит себе, когда погибает. И не напрасно носит он меч, ибо послан Господом, чтобы наказать злодеев и славить праведных. Если он убивает делающего зло, то он не человекоубийца, но, если можно так сказать, убийца зла.

Он воистину Христов мститель для злодеев, и по праву считается защитником христиан. И если ему самому суждено быть убитым, мы знаем, что он не сгинет, а будет пребывать в мире и спокойствии. Когда он убивает, то во благо христово, а когда погибает - для собственного блага.

Смерть язычника прославляет христианина, ибо прославляет Христа; в то время как смерть христианина дает Царю возможность показать свою щедрость, вознаграждая своего рыцаря. В первом случае справедливые возрадутся, увидев свершенную справедливость, а во втором скажут: Воистину справедливость вознаграждается, воистину Господь Бог на земле судья. Я не хочу сказать, что язычников следует убивать при наличии другого способа помешать им преследовать верующих, но теперь лучше уничтожить их, чем позволить силе грешников возобладать над праведниками, а праведникам погрязнуть в пороке."

Таким образом, на основании анализа трудов как раннесредневековых христианских богословов, так и религиозных деятелей периода Крестовых походов, можно сделать вывод о том, что проблема духовного оправдания применения насилия оставалась актуальной на протяжении всего цивилизационного развития христианской Европы. По мере того, как её актуальность становилась всё более и более очевидной, духовным деятелям Церкви приходилось создавать идеологию, не просто оправдывающую применение насилия, но полностью соответствующую их практическим целям и задачам.

***

1. Августин Аврелий. О граде Божием// Августин Аврелий. Творения: В 4 т. Т 3-4. СПб.: Киев. 1998. XIX, 7.
2. Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. М.: Рига, 1995, С. 176.
3. Заборов М.А. «История Крестовых походов в трудах западногерманских историков»//«Византийский временник», Т.18 (43). 1961. С. 291-311.
4. История крестовых походов (под редакцией Джонатана Райли-Смита). М.: "Крон-Пресс", 1994, С. 86-87.
5. "Цистерцианские отцы": номер 19, труды Бернара Клервоского: Том 7, трактаты III, в переводе Конрада Гринии, издательство "Cistercian Publications", Каламазу, Мин., 1977.